

ГНОСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В СОЧИНЕНИЯХ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА И КАРЛА ГУСТАВА ЮНГА

Анализируется гностическая компонента, присутствующая как в сочинениях русских религиозных философов, так и в трудах западных мыслителей. В качестве методологической основы используются компаративистика и герменевтический анализ. За основу для сравнительного анализа берутся тексты В. С. Соловьева, Л. П. Карсавина и К. Юнга.

Ключевые слова: гностицизм, синкретизм, психология, духовность, православие, христианство, мессианство, эзотерика, оккультизм

The article studies the gnostic component in the works of both Russian religious notionals and Western philosophers. Comparative and hermeneutical analyses are used as the methodological basis. The works by V. Soloviev, L. Karsavin and C. Jung are under analysis.

Keywords: Gnosticism, syncretism, psychology, spirituality, Orthodoxy, Christianity, Messianism, esoterism, occultism

В начале XXI в., в ситуации поиска новых духовно-нравственных констант, возникла необходимость переосмысления и переоценки мирового философского наследия конца XIX – начала XX в. Как в европейской, так и в русской философской мысли этого периода обнаруживается сильное влияние раннехристианских синкретических учений, таких как герметизм, неоплатонизм и гностицизм. Поэтому полноценное восприятие содержания различных мистических и философских сочинений рубежа XIX – XX вв. возможно лишь через прочтение содержащихся в них гностических образов и мотивов. Долгое время этот факт оставался вне научного дискурса. В историко-философском знании зачастую нивелировалось значение влияния гностиков и неоплатоников на формирование софиологии, доктрин всеединства и богочеловечества. В европейской духовной мысли сложилась похожая ситуация. Так, до недавнего времени многие мистические сочинения Карла Густава Юнга были недоступны для широкой читательской публики. Лишь в начале XXI в. была опубликована его «Красная книга», раскрывшая перед читателем ранее неизвестный эзотерический опыт автора.

Обращение к памятникам синкретических религиозных учений само по себе сопряжено с

множеством проблем, в том числе и хронологических. За многие столетия тексты гностических мистерий подверглись значительной переработке и различным наслоениям. Дохристианские и христианские пласты претерпевали своего рода диффузию, так что в настоящее время даже древнейшие сегменты обнаруживают сильное влияние христианской космологии.

Особенную сложность в этом отношении вызывают сегменты синкретических учений, присутствующие в философских и мистических трудах Нового и Новейшего времени. Тем не менее наследие древнейших синкретических учений играет важную роль как в памятниках литературы Серебряного века, так и в западных оккультных учениях. О влиянии гностиков и неоплатоников на формирование философии Серебряного века пишет в своей монографии «Соловьев и гностики» А. П. Козырев [6]. Феноменология этого влияния очень обширна, и зачастую требуется комплексный подход в освоении материала. Так, сочетание методов герменевтического анализа и компаративистики позволит достаточно полно и подробно объяснить семантику и метафизику универсальных образов и мотивов, составляющих наследие синкретических учений. Такие образы и мотивы имеют широкое распространение в целом ряде

философских, религиозных и мистических текстов конца XIX – начала XX в. Эти сочинения зачастую не имеют прямых культурно-исторических связей, но тем не менее обнаруживают ряд выразительных общих черт, позволяющих судить о преемственности образов и мотивов древних мистических учений. Стараясь объяснить этот феномен, английский исследователь Т. Чёртон выделил несколько обстоятельств, характерных как для эпохи поздней античности I – II вв., так и для рубежа XIX – XX вв.:

- личная и общественная отчужденность;
- перенос традиционных культур и их небезопасное состояние;
- страх надвигающейся катастрофы, эпидемия насилия;
- потеря доверия людей друг к другу и веры в авторитеты; крах многих традиционных форм авторитета и сложности с новыми;
- чувство, что цивилизация разладилась или даже износилась;
- повсеместное цепляние за источники немедленного удовлетворения; отчаяние от неудач в удовлетворении желаний; люди стараются забыться или бросаются к фундаменталистским освободителям [8, с. 111].

Рассмотрим в качестве примера стихотворение Владимира Соловьева «Песнь офитов» [2], полное эзотерических образов и аллюзий, и сравним его с отрывком из сочинения К. Юнга «Семь наставлений мертвым» – текстом, оказавшим значительное влияние на современный оккультизм [10]. Ярким примером такого влияния может послужить *Телема* – учение, развитое Алистером Кроули в первой половине XX в. и находящееся в историческом диалоге с юнгианской эзотерикой. Современный автор Олег Телемский в своей книге «Полет Змея. Магия Телемы XXI века: мировоззрение, теория, практика» в контексте осмысления Телемы анализирует наследие неоплатонизма, герметизма и гностицизма в учении Юнга. Здесь он обращается к малоизвестным, но очень ценным трудам ученого, представляющим его как визионера, мистика, спиритуалиста [3]. Рассуждая о гностическом пантеизме, Юнг пишет: «С точки зрения психологии, корректно утверждать,

что единение достигается путем отступления от мира сознательности. В стратосфере бессознательного не бушуют никакие бури, потому что там нет ничего настолько различного, чтобы вызывать напряжения и конфликты, которые на самом деле относятся к поверхности нашей действительности» [9, с. 146].

Название стихотворения В. Соловьева отсылает нас к древнему учению офитов, о которых в свое время в сочинении «Глубины Сатанинские» говорил Лев Карсавин, характеризуя их как ряд эзотерических общин, близких к гностицизму: «Древнейшие гностические учения, по-видимому, лучше всего сохранились у так называемых офитов или “братьев змия”, подразделявшихся на целый ряд групп (собственно офиты, нахашены или наассены, ператы, сифиане, каиниты, варвелиоты, последователи Юстина). Офиты, несомненно, существовали уже в дохристианское время и лишь вобрали в свои системы элементы христианского учения» [4, с. 233].

Белую лилию с розой,
С алою розою мы сочетаем.
Тайной пророческой грезой
Вечную истину мы обретаем [2].

Здесь Соловьев обращается к алхимической поэтике, где свойства того или иного мистического элемента передаются в сложной иносказательной форме. В поэтике стихотворения присутствует принцип «порционной магии», где целое подразумевается под частью (порцией). Естественно, прочесть такой иносказательный текст зачастую может лишь человек, состоящий в эзотерическом сообществе, причастный к тайному знанию, знающий его язык.

Веще слово скажите!
Жемчуг свой в чашу бросайте скорее!
Нашу голубку свяжите
Новыми кольцами древнего змея [Там же].

В этом четверостишье мы видим дуалистические компоненты мистерии: Голубку и Змея. Таким образом, автор задает свойствен-

ную синкретическим учениям дуальность – Духа и Материи, Абсолюта и Творения, Света и Тьмы. Софийное начало сочетается с демиургическим, подобно тому, как это происходит в гностической поэме Л. Карсавина «София земная и горная»: «Но обступили ее все вещные вержения Своевольного, и Великая Сила Света с ликом льва поглотила Силы Света в Софии, и очистила Свет ее и поглотила его; а вещество ее низвергнуто было в Хаос, и стало оно в Хаосе архонтом с ликом льва, одна половина коего огонь, а другая мрак, т. е. Ялдаваофом, о нем же часто я вам говорил. Когда же случилось это, стала София весьма слабой, и начала еще та Сила Света с ликом льва брать из Софии все Силы Света, и все вещные Силы Своевольного обстояли Софию и утесняли ее. И возопияла громко Пистис София и воскричала к Свету Светов, его же изначала узрела, когда поверила в него...» [5, с. 352]. В гностической поэтике сочетание Змия с душой представлено как космогоническая катастрофа, породившая мир во всем его несовершенстве. В «Семи наставлениях мертвым» Юнга есть близкое по семантическому содержанию описание Голубки: «...белая птица есть вполовину небесная человечья душа. Она пребывает у Матери и подчас опускается долу. Птица имеет мужское начало. Она есть сущий помысел. Она же посланница матери, целомудренная и одинокая. Птица летает высоко над землей и наказывает быть особно. Она приносит вести об отдалившихся, тех, что ушли вперед и стали совершенны. Наше слово возносит она Матери. Матери дано заступаться, дано предостерегать, но ничтожна власть ее сравнительно с богами. Она есть сосуд солнца» [10].

Образ змея или змеи сочетает в себе два начала: земное (хтоническое) и водное (океаническое). В книге Ариэля Голана «Миф и символ» говорится об образе бога земли, бога-отца, которого исследователь часто понимает как подземного или водного Змея. «Божество низа это мифический Змей. Поскольку его сферой была не только земля, но и земные воды, в древней мифологии нередко змея и рыба отождествлялись» [1, с. 77]. В гностицизме это Великий Предел и Страж Знания львиноголовой

Змей Ялдаваоф, Демиург либо Уроборос, представляющий собой бесконечное повторение природных циклов. Кроме того, Змей обладает собственной душой и собственным духом, подобно тому как обладает ею манихейский Царь Тьмы. В «Семи наставлениях мертвым» Юнг дает такое определение: «Змея есть естественная душа, вполовину демоническая, она дух и сродни с духами мертвых. Как и те, она скитается повсюду среди земных вещей и добывается, чтоб ее страшились, или же пробуждает в нас вождления. По природе своей змея женственна и ищет общества мертвых, именно тех, кто прикован к земле и не нашел пути к другому, к особому бытию. К тому ж она блудлива, путается с дьяволом и злыми духами. Подлый тиран и дух-мучитель, она повседневно прельщает человека дурным сообществом» [10].

В сочинениях Л. Карсавина, посвященных гностическим мотивам, мы также сталкиваемся с иным восприятием образа Змия или Дракона. Так, в «Поэме о смерти» образ Змия трактуется двояко: с самого начала он предстает как Змей-искуситель, но в то же время обнаруживает связь с ключевым образом так называемого основного мифа – Солнечным богом, или Богом-драконом, который синкретично воплощает в себе два важнейших диалектических начала индоевропейской мифологии. У Льва Карсавина этот образ подвергается своеобразной инверсии (Солнечный дракон). В «Поэме о смерти» Змей выступает как древняя и сложная онтологическая модель.

Однако здесь мы встречаем и негативную, inferнальную трактовку данного образа: Змей у Льва Карсавина – это разум, обманувший и поглотивший душу, «ниспавший на землю» и «развивший кольца вечности», превратившись в дурную бесконечность своих силлогизмов и суждений [7, с. 363]: «В царстве разума все распадается, рассеивается; и он один, холодный скользит, как Змей в облаке праха. Ибо разум и есть тот самый древний змий, который хитрыми и гибкими, как его извивающееся тело, словами обманул светловолосую Еву, а цветущий рай превратил в без-

водную пустыню. Он не смотрит на небо и не видит неба, хотя в нем отражается: он пресмыкается. Ему недоступно живое; все он должен сначала умертвить. Он питается прахом, дерево жизни делает деревом познания и смерти» [6, с. 248–249].

Вольному сердцу не больно...
 Ей ли бояться огня Прометея?
 Чистой голубке привольно
 В пламенных кольцах могучего змея [2].

В античной мифологии Прометей – титан, бог из поколения Уранид, принесший людям дар огня и пошедший ради этого против воли верховного бога Зевса. В Христианстве Прометей часто отождествляется с Люцифером – первопричиной мирового зла, падшим ангелом, восставшим против Бога. В различных синкретических учениях отношение к Люциферу неоднозначно – от отрицательного до нейтрального и даже сочувствующего. Здесь Люцифер, как и Прометей, – носитель высшей мудрости, тайного знания, некой божественной мощи. Так, рассуждая о мистериальном значении этого образа в эзотерическом мировоззрении, О. Телемский пишет: «Очень часто с именем Люцифера связывается некий архангел, восставший против Бога... ..Если Бог есть все, то абсурдна сама идея какого-либо автономного бытия вне Бога, не говоря уже о восстании против него. Мятеж, восстание могут существовать не на уровне источника, но на уровне проявлений: источник един, но разные проявления могут противостоять друг другу, и именно в этом заключаются красота и величие таинства, называемого жизнью» [3, с. 112].

В четвертом четверостишье поэт также обращается к Голубке и Змею.

Пойте про ярые грозы,
 В ярой грозе мы покой обретаем...
 Белую лилию с розой,
 С алою розою мы сочетаем [2].

Душа в понимании мистиков не должна бояться коснуться тайного знания, Чистая душа и Чистая София не боится Змея – ведь для нее Змей не Зло и не слепая разрушительная сила, он гармоничная и естественная часть мира. Голубка и Змей, согласно Юнгу, соответствуют представлению о сосуществовании в одном человеке множества душ, каждая из которых связана с какой-либо формой бытия. Такое представление уходит своими корнями в глубокую древность, в политеистические верования, когда личность и душа не воспринимались как нечто целостное и безусловное. Зачастую понятие души подменяется здесь понятием потустороннего двойника, Душу можно было приобрести посредством инициации или утратить вследствие воздействия недоброго колдовства. Вожди и правители, такие как Египетские фараоны, имели несколько душ, что подчеркивало их родство с богами. Учение Юнга предлагает понятие архетипов универсальных, изначальных, врожденных психических структур. В зависимости от ситуации эти структуры вступают в различные взаимодействия, оказывая влияние на поведение и мышление человека. Пара Голубка и Змей в трактате Юнга также может быть соотнесена с понятием Анимы и Анимуса, женского и мужского жизненных начал.

В стихотворении В. Соловьева языком поэзии излагается мистерия, сложная и выверенная игра, алхимический алгоритм. «Семь наставлений мертвым» также содержит в себе мистику, но излагает ее языком оккультного трактата, сакральный смысл передается через таинство, беседу, которую ведет автор с трансцендентным началом. Он обращается не столько к горнему миру, сколько к собственной душе, смотрит не вверх, но вглубь себя, пытаясь разглядеть вечное в преходящем. Тем не менее, имея столь значимые отличия, эти два произведения имеют общий семантический ряд, схожую поэтику и подход, основанный на обширном наследии синкретических учений и богатом религиозно-мистическом опыте авторов.

1. Голан, А. Миф и символ / А. Голан. – М.: РУССЛИ, 1994. – 375 с.
2. Соловьев, В. С. Песнь офитов [Электронный ресурс] / В. С. Соловьев. – Режим доступа: http://front.gnostik.ru/v_soloviov.htm (Дата обращения: 29.05.2013).
3. Телемский, О. Полет Змея. Магия Телемы XXI века: мировоззрение, теория, практика / О. Телемский. – СПб.: Весь, 2008. – 288 с.
4. Карсавин, Л. П. Глубины Сатанинские [Электронный ресурс] / Л. П. Карсавин // Гностики, или О «лжеименном знании»: сб. / сост. С. И. Еремеев. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Gnost/index.php (Дата обращения: 12.05.2013). – С. 230–252.
5. Карсавин, Л. П. София земная и горная [Электронный ресурс] / Л. П. Карсавин // Гностики, или О «лжеименном знании»: сб. / сост. С. И. Еремеев. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Gnost/index.php (Дата обращения: 12.05.2013). – С. 346–354.
6. Козырев, А. П. Соловьев и гностики / А. П. Козырев. – М.: Изд. Савин С. А., 2007. – 544 с.
7. Макаров, Д. И. Безмолвные странствия души: авторский миф в «Поэме о смерти» Л. П. Красавина (Аспекты претворения) / Д. И. Макаров // Лев Платонович Карсавин / под ред. С. С. Хоружего. – М.: РОССПЭН, 2012. – 527 с.
8. Чёртон, Т. Гностическая философия. От древней Персии до наших дней / Т. Чёртон. – М.: РИПОЛ классик, 2008. – 464 с.
9. Юнг, К. Г. О психологии восточных религий и философий / К. Г. Юнг; сост. В. Бакусев. – М.: Медиум, 1994. – 255 с.
10. Юнг, К. Г. Семь наставлений мертвым [Электронный ресурс] / К. Г. Юнг. – Режим доступа: <http://jungland.ru/node/544> (Дата обращения: 12.05.2013).

Сдано 31.05.2013